

Рец. на кн.: XENIA A. CHERKAEV. *GLEANING FOR COMMUNISM: THE SOVIET SOCIALIST HOUSEHOLD IN THEORY AND PRACTICE.*

Ithaca, NY; L.: Cornell University Press, 2023. XV+189 p.

Анна Дмитриевна Соколова

независимый исследователь

annadsokolova@gmail.com

Аннотация: В рецензируемой книге Ксении Черкаев "Gleaning for Communism: The Soviet Socialist Household in Theory and Practice" рассматривается концепт социалистической собственности и его влияние на низовые экономические практики в позднем СССР. Отталкиваясь от анализа того, каким «советское» предстает в нарративах рабочих и служащих бывших советских предприятий, записанных во время полевой работы в Санкт-Петербурге в 2010-х гг., Черкаев предлагает антропологический взгляд на советскую повседневность через политэкономия и этику. По мнению Черкаев, основные эпохи советской истории (военный коммунизм, НЭП, сталинизм, оттепель, перестройку) можно рассматривать через призму этического понимания социалистической собственности, закрепленной в изменении законодательства. Чтобы понять, как возникло советское общество и как советское государство внезапно растворилось в воздухе, она рассматривает эволюцию этих режимов от 1917 г. до начала 1990-х гг. В то же время Черкаев вносит важный вклад в историю идей и интеллектуальной истории, поскольку последовательно прослеживает появление, развитие, трансформацию и упадок понятия «социалистическая собственность» («социалистическое хозяйство») от ранних послереволюционных лет до распада Советского Союза. Книга Черкаев станет важным дополнением к работам по позднесоветской социальной и экономической истории.

Ключевые слова: советская экономика, изобретательство, экономическая мысль, теневая экономика.

Для ссылок: Соколова А. Рец. на кн.: Xenia A. Cherkayev. *Gleaning for Communism: The Soviet Socialist Household in Theory and Practice.* Ithaca, NY; L.: Cornell University Press, 2023. XV+189 p. // Антропологический форум. 2024. № 61. С. 246–258.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-246-258

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/sokolova.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2024, NO. 61

A Review of XENIA A. CHERKAEV, *GLEANING FOR COMMUNISM: THE SOVIET SOCIALIST HOUSEHOLD IN THEORY AND PRACTICE.*

Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2023, XV+189 pp.

Anna Sokolova

Independent scholar

annadsokolova@gmail.com

Abstract: The book *Gleaning for Communism: The Soviet Socialist Household in Theory and Practice* by Xenia A. Cherkayev analyzes the concept of socialist property and its impact on grassroots economic practices. By analyzing how the "Soviet" appears in the narratives of workers and employees of former Soviet enterprises recorded during fieldwork in St Petersburg in the 2010s, Cherkayev offers us an anthropological view of Soviet everyday life through political economy and ethics. According to Cherkayev, the major periods of Soviet history (War Communism, NEP, Stalinism, the Thaw, and Perestroika) can be viewed through the prism of an ethical understanding of socialist property embedded in changing legislation. To understand how Soviet society emerged and how the Soviet state suddenly vanished into thin air, she examines the evolution of these regimes from 1917 to the early 1990s. At the same time, Cherkayev makes an important contribution to the history of ideas and intellectual history as she consistently traces the emergence, development, transformation, and decline of the concept of "socialist property" ("socialist economy") from the early post-revolutionary years to the collapse of the Soviet Union. Cherkayev's work will be an important contribution to scholarship on late-Soviet social and economic history.

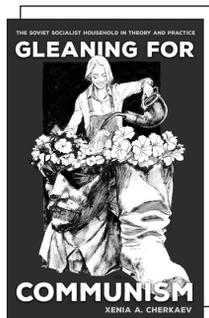
Keywords: Soviet economy, DIY, shadow economy, economic thought.

To cite: Sokolova A., 'A Review of Xenia A. Cherkayev, *Gleaning for Communism: The Soviet Socialist Household in Theory and Practice.* Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2023, XV+189 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 61, pp. 246–258.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-246-258

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/sokolova.pdf>

Рец. на кн.: **Xenia A. Cherkaev. *Gleaning for Communism: The Soviet Socialist Household in Theory and Practice.*** Ithaca, NY; L.: Cornell University Press, 2023. XV+189 p.

В рецензируемой книге Ксении Черкаев “Gleaning for Communism: The Soviet Socialist Household in Theory and Practice” рассматривается концепт социалистической собственности и его влияние на низовые экономические практики в позднем СССР. Отталкиваясь от анализа того, каким «советское» предстает в нарративах рабочих и служащих бывших советских предприятий, записанных во время полевой работы в Санкт-Петербурге в 2010-х гг., Черкаев предлагает антропологический взгляд на советскую повседневность через политэкономия и этику. По мнению Черкаев, основные эпохи советской истории (военный коммунизм, НЭП, сталинизм, оттепель, перестройку) можно рассматривать через призму этического понимания социалистической собственности, закрепленной в изменении законодательства. Чтобы понять, как возникло советское общество и как советское государство внезапно растворилось в воздухе, она рассматривает эволюцию этих режимов от 1917 г. до начала 1990-х гг. В то же время Черкаев вносит важный вклад в историю идей и интеллектуальной истории, поскольку последовательно прослеживает появление, развитие, трансформацию и упадок понятия «социалистическая собственность» («социалистическое хозяйство») от ранних послереволюционных лет до распада Советского Союза. Книга Черкаев станет важным дополнением к работам по позднесоветской социальной и экономической истории.

Ключевые слова: советская экономика, изобретательство, экономическая мысль, теневая экономика.

В последние годы в исследованиях по российской и советской истории и антропологии растет интерес к позднесоветскому обществу. При этом на смену схематичным нарративам холодной войны приходит нюансированный взгляд на этот период. Исследователи все чаще обращаются к внутренним механизмам работы советской системы, делая фокус на изучении устройства позднесоветского общества через его экономику и материальность. Из недавних работ в этой области стоит отметить прежде всего исследование Николая Митрохина, в котором прослеживается механика управления советской экономикой в 1960–1980-х гг. [Митрохин 2023]. Сосредоточиваясь на работе больших управленческих институтов, таких как Госплан и ЦК, Митрохин дает насыщенную картину советской экономики «сверху». Хотя он обращается к отдельным низовым историям, связанным с конкретными предприятиями, в работе не обсуждаются низовые экономические практики и их концеп-

туализация и «проживание» советскими обывателями. Иную перспективу советской экономики предлагает сборник статей по истории советской экономической мысли под редакцией Тилля Дуппе и Ивана Болдырева [Düppe, Boldyrev 2019]. Ставя в центр внимания вопросы экономической теории, авторы сборника показывают, как различные подходы к пониманию экономики не только по-разному формировали нарративы советского общества и отдельных его слоев, но и в конечном счете приводили к различным государственным и низовым практикам.

В свою очередь, экономические практики неизбежно тесно связаны с материальностью. Исследования материальности во многом направлены на изучение специфических практик позднесоветского производства и их значения для позднесоветской субъективности. Так, Сергей Ушакин обращает внимание на особую практику советского продуктивизма, в рамках которой производство товаров оказывалось более значимым, чем их фактическое потребление [Oushakine 2014]. Другие исследователи обращаются к практикам ремонта и производства предметов (DIY) как к особому регистру советской жизни, который занимал значительное место в процессе формирования «себя» [Герасимова, Чуйкина 2004; Golubev, Smolyak 2013; Vasilyeva 2019]. Наиболее детально влияние новой материальности на позднесоветского человека анализирует недавняя монография Алексея Голубева [Golubev 2020]. Однако, рассматривая самые разные проявления новой советской материальности — от авиамоделирования и реставрации памятников архитектуры до многоэтажных новостроек брежневского периода, Голубев оставляет в стороне собственно экономическую подоплеку этих трансформаций и связанную с ними историю экономической мысли.

Новая книга научного сотрудника Центра исторических исследований НИУ ВШЭ Ксении Черкаев находится в ряду очерченного выше направления исследований, во многом развивая обозначенные в них вопросы и восполняя лакуны. В своей работе Черкаев обращается к проблемам низовой экономической жизни, которая предстает как синтез экономической мысли, практик и материальности.

В то же время книга Черкаев по подходу существенно отличается от других исследований, посвященных позднесоветскому периоду. Отталкиваясь от анализа того, как «советское» предстает в нарративах рабочих и служащих бывших советских предприятий, записанных ею во время полевой работы в Санкт-Петербурге в 2010-х гг., Черкаев предлагает нам антропологический взгляд на советскую повседневность через полит-

экономии и этику. Несмотря на заявленный автором антропологический подход, книгу можно было бы отнести к области истории идей или интеллектуальной истории, поскольку наиболее последовательно в ней рассказывается о появлении, истории, развитии, трансформации и упадке понятия «социалистическая собственность» («социалистическое хозяйство») — от ранних послереволюционных лет до распада Советского Союза. Именно вокруг этой категории, закрепленной, с одной стороны, в законе, а с другой — в этике повседневных и трудовых отношений, Черкаев и выстраивает свое видение советского проекта, а также постсоветского идейного наследия.

Исследование Черкаев отталкивается от ее полевого опыта. В ходе интервью, записанных в начале 2010-х гг. для диссертационного исследования, она стремилась собрать истории о самодельных вещах (особенно о тех, которые изготавливали «налево», т.е. нелегально производили на оборудовании государственных предприятий и потом тайно выносили, минуя тем или иным способом пункты контроля на заводских проходных) и о людях, которые их создавали. Таким образом, вплотную подойдя к проблеме множественности позднесоветских экономик¹ из перспективы «снизу», Черкаев встала перед вопросом о том, как интерпретировать подобное использование общественной инфраструктуры для собственных нужд. Было ли это проявлением коррупции, т.е. «злоупотреблением служебным положением в личных целях» в трактовке, например, Всемирного Банка (Р. 5), или же мы имеем здесь дело с явлением иного рода — специфически советской практикой, изучение которой позволяет проникнуть в глубину советского проекта как такового? Ожидаемо, что Черкаев склоняется ко второму ответу. Она обращает внимание на специфические этические категории общего блага, которые используют ее собеседники для описания подобных практик. Особенно важно, что, описывая использование общественной производственной инфраструктуры для самодеятельного и несанкционированного создания предметов «побочного пользования», не имеющих отношения к данному заводу, люди, как правило, говорят об этом в терминах не личной выгоды, а реципрокных отношений.

Эта реципрокность включала руководителей того или иного предприятия, партийное и советское начальство, а также участников неформальных объединений и частных лиц, которые все в той или иной степени становились бенефициарами разнообразных несанкционированных производств. Так, для изготовления различного альпинистского снаряжения — от стра-

¹ О множественности см.: [Cadiot et al. 2023].

ховочных тросов и блокирующих механизмов до легких пуховиков, спальных мешков или рюкзаков — было необходимо не только получить доступ к промышленным станкам, но и раздобыть дефицитные материалы, такие как пух, синтепон, титан, брезент, стропы. Часть этих материалов была продукцией военного назначения, что еще больше затрудняло ее получение. Однако, как свидетельствуют собеседники Черкаев, и материалы, и доступ к оборудованию они получали вполне легально, поскольку дирекции заводов, в том числе военных, также были заинтересованы в альпинистских достижениях сотрудников: они позволяли продемонстрировать хорошие показатели в общественной работе и спорте. Поэтому руководители закрывали глаза на побочные продукты производства, позволяли на заводских мощностях изготавливать снаряжение «налево» и даже содействовали созданию наиболее качественного снаряжения.

Размышляя о подобных феноменах, Черкаев отмечает, что при взгляде на них как на проявления коррупции, блата или кумовства при систематическом дефиците¹ мы упускаем нечто крайне важное в понимании устройства позднесоветского общества. С ее точки зрения, речь идет об особом режиме коллективной собственности, который и структурировал советскую повседневность. Выраженные в этических терминах, отсылающих к категориям коллективизма и общего блага, и закрепленные в советском законодательстве, эти режимы собственности и были тем механизмом, который регулировал советскую экономику взамен рынка, более привычного для западного мира. Однако юридическое и практическое понимание коллективной (социалистической) собственности в Советском Союзе не было неизменным. По мнению Черкаев, основные эпохи советской истории (военный коммунизм, НЭП, сталинизм, оттепель, перестройку) можно рассматривать через государственную ревизию этического понимания социалистической собственности, закрепленной в изменении законодательства, и даже в некоторой степени свести к этим ревизиям. В следующих главах, чтобы понять, как возникло советское общество и как советское государство внезапно растворилось в воздухе, она рассматривает эволюцию этих режимов от 1917 г. до начала 1990-х гг.

В первой главе Черкаев проводит различие между частной выгодой и личным вкладом в общее благо. Она подробно рассматривает многочисленные истории использования заводских мощностей и материалов для производства предметов для личного использования. Помимо упоминавшегося выше аль-

¹ О блате см.: [Ledeneva 1998].

пинистского снаряжения, это надгробия, декоративные изделия, каяки, небольшие станки, ножи, кастрюли и сковородки, вязальные спицы. Во всех этих случаях в нарративах ее собеседников смешиваются советский, общественный и личный характер производства и использования вещей. Особенно любопытно, что люди зачастую описывают в качестве «советских» вещи и практики, относящиеся не только к периоду перестройки, но и к 1990-м и даже 2000-м гг. По мнению Черкаев, таким образом они отсылают не к историческому времени как таковому, а к определенным режимам собственности и этическим категориям общего блага и дружеской (товарищеской) взаимопомощи, которые возникли в советский период и фрагментарно сохранились много позже 1991 г. Рассматривая этот режим собственности, Черкаев отмечает, что самодельные вещи, произведенные «налево» на заводах, в определенном смысле можно трактовать как проявление «второй», «теневой» или «блатной» экономики [Grossman 1981; Ledeneva 1998]. Однако то, как люди об этом рассказывают, позволяет усомниться в верности такой трактовки: «Нарративный фокус на сообществе означает, что эти вещи, сделанные своими руками, не удовлетворяют первому критерию “второй экономики”, выдвинутому Гроссманом: они сделаны не для личной выгоды. Они также часто не удовлетворяют и второму критерию: они необязательно были сделаны в нарушение правил, норм и законов» (Р. 41). Важный элемент этой системы побочных производств — повсеместное накопление предприятиями излишков материалов и станков, которое было особенностью советской системы планирования (предприятие не могло отказаться от ненужных поставок, потому что рисковало в будущем не получить ничего другого). Именно эти излишки, залежавшиеся на складах, и становились, как правило, материалом для изготовления самодельных вещей. При этом и само предприятие было до определенной степени заинтересовано в их рациональном использовании. Таким образом, Черкаев встраивает самодельные вещи, с одной стороны, в систему снабжения, создававшую огромные излишки и запасы материалов на производстве, а с другой — в систему взаимопомощи и товарищеских отношений. Тот факт, что создатели этих вещей не были движимы исключительно личной финансовой выгодой, по мнению Черкаев, отличает эти практики от кражи.

Во второй главе, отталкиваясь от того значения общего, коллективного блага и чувства товарищества, которое объединяет истории о самодельных вещах, Черкаев обращается к проблеме различения частной, личной и социалистической собственности в советском правовом дискурсе. В первую очередь она анализирует законы, принятые после революции 1917 г. вплоть до

печально известного «закона о трех колосках» — Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», а также последствия этого закона для реальных практик собственности. По мнению Черкаев, именно постановление 1932 г. стало основополагающим в определении режима собственности, на основе которого ученые-юристы сталинской эпохи узаконили современное индустриальное общество: функционирующее в соответствии с рыночной логикой домашнего хозяйства, с гарантированной его членам личной заинтересованностью в общем благе, а не частной собственностью. В этом анализе понимание социалистической собственности оказывается тесно связано с особым «мы» советского коллективного субъекта и с идейными основаниями советского государства как такового, а советская политическая экономия становится этической конструкцией, которая и структурирует более широкие социальные отношения. Выраженное в законодательстве советское право собственности, таким образом, существенно отличалось от римского права, лежавшего в основе законодательства Российской империи. Римское право определяло право собственности как набор прав: *управлять* (лат. *usus*), *извлекать выгоду* (лат. *fructus*) и *распоряжаться* (лат. *abusus*). Напротив, режим собственности, который создавался в молодой социалистической республике, был режимом *узуфрукта*, при котором право пользоваться собственностью и извлекать выгоду из нее существовало без права распоряжаться ею по собственному желанию.

Рассматривая постановление об охране социалистической собственности («закон о трех колосках») 1932 г. как поворотный момент, Черкаев указывает на смещение акцента с различения частной и общественной собственности, которое было в центре политического дискурса ранее, на различение личной и социалистической собственности. Последние не могут быть противопоставлены, поскольку, по словам сталинского генерального прокурора А.Я. Вышинского, «рост коллективной собственности обеспечивает рост личной собственности граждан. В свою очередь, рост личной собственности способствует развитию культуры граждан, производственной и общественной активности, что само по себе ведет к росту и укреплению коллективной собственности. Социализм действительно гармонизирует интересы отдельных лиц и всего общества» (Р. 72). Такое понимание связи между личной и социалистической собственностью давало каждому гражданину определенное право на долю в священном общем социалистическом хозяйстве. Именно категория социалистического хозяйства и произрастающая

из нее фигура хозяина становятся определяющими в советской культуре собственности. Всю советскую политэкономю, с точки зрения Черкаев, можно определить как «экономику социалистического хозяйства, построенную на священном основании социалистической собственности, принадлежащей хозяевам и ими управляемой» (Р. 75).

Категория «хозяина» и хозяйствования оказывается центральной для исследования. Она олицетворяет тот особый режим собственности, в котором наиболее важной функцией субъекта становится управление, а не владение или извлечение прибыли (Р. 75). Из этого различия проистекает другое не менее важное — между *экономикой* и *хозяйством*. Если экономика основывается на постоянном обмене товарами между различными субъектами, ищущими собственной выгоды, то во главе хозяйства всегда стоит рачительный хозяин, управляющий им как единым целым. Такое понимание социалистического хозяйства лежало в основе плановой экономики. Оно же в конечном счете приводило к накоплению излишков материальных ресурсов на предприятиях, поскольку каждый руководитель должен был быть «хозяином» и заботиться о максимально возможном снабжении своего хозяйства. При этом, как отмечает Черкаев, «быть хозяином» означало также владеть определенными коммуникативными навыками, которые выражаются в дискурсе добрососедской или товарищеской помощи. Взаимопомощь как обмен ресурсами между предприятиями ради выполнения государственного плана отмечалась и другими исследователями советской экономики [Митрохин 2023, 1: 282–290]. Однако для Черкаев более значимым оказывается то, что эти отношения хозяйствования и товарищеского обмена распространяются вниз по иерархической лестнице и включают не только руководителей предприятий, но и бригадиров и простых рабочих. Вся советская производственная система оказывается сетью взаимоотношений хозяев разного уровня, каждый из которых управляет частью общего социалистического хозяйства ради достижения общего блага. Каждый из них, в свою очередь, стремится к накоплению резервных ресурсов, которые могут быть в дальнейшем использованы для решения проблемных задач внутри общего хозяйства.

Хотя эта глава дает обильную пищу для размышления, она также оставляет множество вопросов. Например, акцентируя внимание на важности «закона о трех колосках» 1932 г. и его критического значения для установления режима социалистической собственности и социалистического хозяйства, которое выражается в особом этически значимом чувстве хозяина, Черкаев во второй части главы вновь возвращается к своему архиву интервью о позднесоветских создателях самодельных

вещей и особенностям их нарративов. Хотя характер постановления 1932 г. описывается как революционный для этического понимания собственности, репрессивная правоприменительная практика 1930-х гг. в отношении личного использования государственных ресурсов имеет мало общего с позднесоветскими практиками, которым посвящена книга. Остается не до конца ясным, как происходит этот скачок из 1930-х в 1980-е и затем в 2010-е гг. в представлении автора. Третья глава, посвященная особенностям «десталинизации» в области права собственности, также не дает ответа на этот вопрос.

В третьей главе Черкаев обращается к юридическим реформам оттепели, которые были сформулированы в рамках Третьей Программы КПСС, принятой в 1961 г. Моральный кодекс строителей коммунизма, входивший в эту программу, подвергал ревизии отношения между индивидом и социалистической собственностью. Снимая радикализм законодательства сталинского периода, программа предполагала, что этическое давление коллектива должно стать той движущей силой, которая не только укрепит социалистическое хозяйство, но и даст импульс для его развития. В этот период происходит смещение социального контроля с системы уголовного правосудия на менее определенное этическое давление. Автор обращает внимание на то, что, несмотря на общий скепсис по поводу реального восприятия идей коммунистической морали населением, очевидно «совпадение между коллективистскими нарративами, в которых люди объясняют свои действия коллективистской позицией, пропагандируемой позднесоветскими средствами массовой информации и образовательными текстами, и основными требованиями Третьей Программы КПСС: коллективистской этикой, которая должна была привести советское общество к коммунизму» (Р. 106). В заключение этой главы Черкаев отмечает, что хрущевская реформа, ставившая коллективистскую этику во главу советской политэкономии, не могла полностью порвать с наследием сталинизма, которое, как полагали современники, коренилось в тяжеловесной бюрократической системе, тормозившей любое развитие вопреки этическим установкам и идеалам. По мнению Горбачева и других идеологов перестройки, только отказавшись от этой сталинистской бюрократии, выраженной в ограничениях и контроле, а также в молчаливой фигуре Сталина, который как самый главный хозяин нависает над всей страной спустя многие годы после его смерти, даст шанс построить такое общество, где человек сможет полностью реализовываться, чувствовать себя законным хозяином и в действительности им быть (Р. 109, 114).

Перестройке и реформам Михаила Горбачева посвящена заключительная четвертая глава книги. В ней автор показывает

фундаментальные изменения этического видения социалистической собственности, что в конечном счете привело к отмиранию государства, о котором так много говорили советские идеологи сразу после революции. Двумя основными перестроечными законами, связанными с правом собственности, были законы «О государственном предприятии» 1987 г. и «О кооперации в СССР» 1988 г. Оба исходили из того, что социалистическое хозяйство может быть улучшено, если дать людям больше возможностей действовать на своих предприятиях как «хозяева». Предыдущие проекты реформ, как было показано в предшествующих главах, также стремились улучшить экономику через усиление в советских гражданах чувства хозяина.

Однако новая реформа имела важное отличие. Она предполагала, что это чувство должно быть усилено за счет прямой связи между материальным благосостоянием рабочих и экономическим (рыночным) успехом предприятия, что достигалось через социалистическое самоуправление (Р. 118). Таким образом, социалистическое самоуправление должно было усиливаться через комбинацию личного материального интереса и личной социалистической этики. В этой новой системе «управление социалистической собственностью субъектов оценивалось бы имманентно (при этом лучшее управление автоматически приносило бы большую прибыль), а не административно, в соответствии с заранее определенными планами работы» (Р. 119). Черкаев справедливо отмечает, что без свободного рынка, с идеей тотального планирования такое саморегулирование оставалось утопической идеей. Вероятно, идеологов перестройки мало заботило противоречие между отсутствием свободного рынка и желаемой саморегуляцией, поскольку основной их целью было «воспитать чувство собственности и ответственности, четко соотнося личную прибыль с усердным использованием социалистической собственности» (Р. 121). Они утверждали, что прежние административно-хозяйственные методы приводили к тому, что рабочие переставали чувствовать себя хозяевами, и это вело к крайне неправильному использованию материалов и рабочего времени. Для преодоления этих недостатков реформа предлагала превратить «рабочего в совладельца общественного производства», сделав отношения собственности «гибкими» и «наполненными реальным содержанием» (Р. 123). Технически это должно было произойти через самостоятельную реализацию предприятиями сверхплановой продукции и использование тех залежей материалов, которых скопились на складах (что произошло в результате более ранних реформ, которые также были нацелены на усиление чувства хозяина в рабочих и руководстве предприятий). Закон «О государственном предприятии» 1987 г. давал

организациям право продавать по установленной государством цене накопленные ими материальные запасы (Р. 123). При этом, с точки зрения идеологов перестройки, такие продажи социалистической собственности не угрожали самому социалистическому хозяйству, потому что касались только излишков, которые не использовались в производстве. В конечном счете реформа освобождала общество от тяжелого административного контроля над выполнением плана и давала людям возможность управлять ресурсами и продукцией своих предприятий, лимитами и планами, запасами и дефицитом. Дальнейшие события, развивавшиеся стремительно, Черкаев описывает как противостояние между пережитками сталинизма и новой этикой перестройки. Фигура Хозяина страны уходила все дальше на задний план, а рядовые граждане Советского Союза все больше ощущали хозяевами себя: «На фоне революционных призывов освободить мировоззрение и экономику от сталинизма, вернуться к “универсальности законов, управляющих экономикой и обществом в целом” (Шаталин 1990, 28), на фоне целенаправленных обвинений в том, кого винить в стремительном экономическом коллапсе, священная и нерушимая основа советского порядка [социалистическая собственность] незаметно отмерла». Символически, отмечает Черкаев, за год до того как СССР прекратил свое существование, из Конституции РСФСР вообще исчезло упоминание социалистической собственности (Р. 136).

В заключении автор проводит параллели между своим исследованием социалистической собственности и событиями 2022 г. с их аполитичной трактовкой в ее окружении в Санкт-Петербурге. Однако в этом сравнении она не идет слишком далеко, оставляя читателям возможность делать выводы самостоятельно.

Как подытожить читательские впечатления от рецензируемой книги? Начав введение и первую главу с плотного этнографического описания полевой работы и практик собеседников, ставших за время исследования ее друзьями и соседями, Черкаев в дальнейшем все дальше отходит от этнографического материала, перемещаясь в область интеллектуальной истории и истории идей в контексте гражданского права и советской политики. В сущности, это расхождение между материалом и анализом, которое особенно бросается в глаза в третьей главе, на мой взгляд, представляет основную проблему книги. Оттачиваясь от конкретных историй своих собеседников, построенных вокруг конкретных материальных практик и отношений собственности, Черкаев в поисках истоков этих феноменов уходит все глубже в прошлое. Порой оказывается трудно проследить, как та или иная реформа, то или иное партийное по-

становление или высказывание политического лидера влияли на реальное восприятие отношений собственности. Это особенно проблематично, если принять во внимание, что автор стремится связать между собой и даже опосредовать государственные партийные директивы самого высшего уровня и низовые неинституционализованные хозяйственные практики. И хотя в целом выводы Черкаев кажутся логичными и обоснованными, хотелось бы увидеть, как именно она к ним пришла и на каких основаниях связывает нарративы своих собеседников с историей советского законодательства в отношении права собственности. Порой, чтобы связать идеологию и реальность, автор обращается к идеологизированной кинематографической продукции, а не к другим, возможно, более показательным материалам (например, собственным интервью). Однако киножурнал «Фитиль» (Р. 102) или показательный фильм про Беломорканал 1936 г. (Р. 73–75) представляют собой скорее способ трансляции идеологии в массы, чем отражение реальности. Более того, анализ интервью, приведенный в некоторых главах, свидетельствует о том, что для собеседников Черкаев официальная советская идеология была столь же малоинтересна, как и для героев Алексея Юрчака [Юрчак 2014]. Многие из них прямо говорят, что исполняли свои идеологические обязанности лишь формально (Р. 101–102). Почему в таком случае идеи, сформулированные, например, в «Моральном кодексе строителей коммунизма», не были для них пустым бюрократическим шумом? Хотелось бы, чтобы автор точнее проследил, как этические категории, выраженные в идеологии, трансформируются в реальное поведение людей.

Как и ко многим другим книгам, рассматривающим советский период в двойной перспективе истории и антропологии, к работе Черкаев можно предъявить претензию в том, что она одновременно недостаточно исторична и недостаточно антропологична. Однако вопросы, которые она ставит, и тот подход, который использует для поиска ответов, несомненно, не только открывает для нас новую грань в советских отношениях собственности, но и позволяет по-новому взглянуть на весь советский проект в целом.

Библиография

- Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 34 (2). С. 70–77.
- Митрохин Н. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах: В 2 т. М.: НЛО, 2023. (Historia Rossica).
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

- Cadiot J., Lambroschini S., O'Donnell A.* Economic Histories of the Soviet Union // *Cahiers du monde russe*. 2023. Vol. 64. No. 1. P. 23–34. doi: 10.4000/monderusse.13921.
- Düppe T., Boldyrev I.* (eds.). *Economic Knowledge in Socialism, 1945–89*. Durham, NC: Duke University Press, 2019. 328 p. (History of Political Economy. Vol. 51. No. 6. Annual Supplement).
- Golubev A.* *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020. XVII+220 p.
- Golubev A., Smolyak O.* Making Selves through Making Things: Soviet Do-It-Yourself Culture and Practices of Late Soviet Subjectivation // *Cahiers du monde russe*. 2013. Vol. 54. No. 3–4. P. 517–541. doi: 10.4000/monderusse.7964.
- Grossman G.* The “Second Economy” of the USSR // Bornstein M. (ed.). *The Soviet Economy: Continuity and Change*. N.Y.: Routledge, 1981. P. 73–93.
- Ledeneva A. V.* *Russia’s Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. XIII+235 p. (Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies. Vol. 102).
- Oushakine S.A.* “Against the Cult of Things”: On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination // *The Russian Review*. 2014. Vol. 73. No. 2. P. 198–236. doi: 10.1111/russ.10727.
- Vasilyeva Z.* *From Skills to Selves: Recycling Soviet DIY in Post-Soviet Russia*: PhD diss. / University of Neuchâtel. Neuchâtel, 2019. 308 p.

Анна Соколова

A Review of Xenia A. Cherkaev, *Gleaning for Communism: The Soviet Socialist Household in Theory and Practice*. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2023, XV+189 pp.

Anna Sokolova

Independent scholar
annadsokolova@gmail.com

The book *Gleaning for Communism: The Soviet Socialist Household in Theory and Practice* by Xenia A. Cherkaev analyzes the concept of socialist property and its impact on grassroots economic practices. By analyzing how the “Soviet” appears in the narratives of workers and employees of former Soviet enterprises recorded during fieldwork in St Petersburg in the 2010s, Cherkaev offers us an anthropological view of Soviet everyday life through political economy and ethics. According to Cherkaev, the major periods of Soviet history (War Communism, NEP, Stalinism, the Thaw, and Perestroika) can be viewed through the prism of an ethical understanding of socialist property embedded in changing legislation.

To understand how Soviet society emerged and how the Soviet state suddenly vanished into thin air, she examines the evolution of these regimes from 1917 to the early 1990s. At the same time, Cherkaev makes an important contribution to the history of ideas and intellectual history as she consistently traces the emergence, development, transformation, and decline of the concept of “socialist property” (“socialist economy”) from the early post-revolutionary years to the collapse of the Soviet Union. Cherkaev’s work will be an important contribution to scholarship on late-Soviet social and economic history.

Keywords: Soviet economy, DIY, shadow economy, economic thought.

References

- Cadiot J., Lambroschini S., O’Donnell A., ‘Economic Histories of the Soviet Union’, *Cahiers du monde russe*, 2023, vol. 64, no. 1, pp. 23–34. doi: 10.4000/monderusse.13921.
- Düppe T., Boldyrev I. (eds.), *Economic Knowledge in Socialism, 1945–89*. Durham, NC: Duke University Press, 2019, 328 pp. (*History of Political Economy*, vol. 51, no. 6, annual supplement).
- Gerasimova E., Tchouikina S., ‘Obshchestvo remonta’ [Repair Society], *Ne-prikosnovennyi zapas*, 2004, no. 34 (2), pp. 70–77. (In Russian).
- Golubev A., *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020, XVII+220 pp.
- Golubev A., Smolyak O., ‘Making Selves through Making Things: Soviet Do-It-Yourself Culture and Practices of Late Soviet Subjectivation’, *Cahiers du monde russe*, 2013, vol. 54, no. 3–4, pp. 517–541. doi: 10.4000/monderusse.7964.
- Grossman G., ‘The “Second Economy” of the USSR’, Bornstein M. (ed.), *The Soviet Economy: Continuity and Change*. New York: Routledge, 1981, pp. 73–93.
- Ledeneva A. V., *Russia’s Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, XIII+235 pp. (Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies, vol. 102).
- Mitrokhin N., *Ocherki sovetskoy ekonomicheskoy politiki v 1965–1989 godakh* [Essays on Soviet Economic Policy in 1965–1989]: in 2 vols. Moscow: NLO, 2023. (Historia Rossica). (In Russian).
- Oushakine S. A., ‘“Against the Cult of Things”: On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination’, *The Russian Review*, 2014, vol. 73, no. 2, pp. 198–236. doi: 10.1111/russ.10727.
- Vasilyeva Z., *From Skills to Selves: Recycling Soviet DIY in Post-Soviet Russia*: PhD diss., University of Neuchâtel. Neuchâtel, 2019, 308 pp.
- Yurchak A., *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2006, X+331 pp.